

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКАЯ ЛЕГЕНДА: К ОПРЕДЕЛЕНИЮ ЖАНРА

*Работа представлена кафедрой русского устного народного творчества
Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова.
Научный руководитель – кандидат филологических наук, доцент А. А. Иванова*

Статья посвящена проблеме жанровой характеристики народной эсхатологической легенды. Дается краткий обзор закрепившихся в отечественной науке точек зрения на проблему. При этом вскрывается недостаточная точность традиционного определения эсхатологической легенды как разновидности жанра народной легенды. В статье эсхатологическая легенда определяется как полижанровая тематическая группа текстов и выделяются ее основные характеристики.

Ключевые слова: фольклор, легенда, эсхатология, несказочная проза, жанр, народное православие, народная легенда.

I. Bessonov

ESCHATOLOGICAL LEGEND: DEFINITION OF THE GENRE

The article is devoted to the problem of genre characteristics of a folk eschatological legend. The author gives a brief survey of the points of view that are most common in Russian science. He demonstrates the insufficient accuracy or the traditional definition of an eschatological legend as a form of a folk legend. The author defines an eschatological legend as a polygenre thematic text group and observes its characteristic features.

Key words: folklore, legend, eschatology, non-fantastic prose, genre, folk Orthodoxy, folk legend.

В последние годы в отечественной фольклористике заметно обострился интерес к изучению устной несказочной прозы. При этом исследователи рассматривают не только жанры, традиционно выделяемые в рамках данного фрагмента фольклорной культуры, но и разного рода межжанровые образования. В настоящей работе мы попытаемся рассмотреть жанровый статус фольклорных текстов, относящихся к области коллективной эсхатологии, т. е. повествующих о «последних временах» и «конце света».

Эсхатологические рассказы традиционно рассматривались как часть народной прозы легендарного характера, т. е. как разновидность жанра легенды. Такой подход основан на закрепившемся еще в науке XIX в. определении легенды как жанра, связанного с религиозной, христианской тематикой. Из такого понимания, например, исходил А. Н. Афанасьев при составлении своего сборника «Русские народные легенды». Вслед за ним А. Н. Пыпин характеризовал легенду как повествование, которое «останавливается исключительно на предметах, принадлежащих к области христианских верований и религиозной морали» [4, с. 181]. В русле этой традиции В. Я. Пропп также охарактеризовал легенду как «прозаический художественный рассказ, обращающийся в народе, содержание которого прямо или косвенно связано с господствующей религией» [3, с. 271]. Определение жанра легенды, основанное на его содержательной стороне,

стало преобладающим для большинства исследователей XX в.

Из наиболее обстоятельных работ последнего времени, посвященных легенде, следует отметить монографию нижегородской исследовательницы Ю. М. Шеваренковой. Она определяет легенду как «единую совокупность народных представлений, выраженных сюжетным повествованием», отделяя ее от «религиозных поверий» [7, с. 20]. Таким образом, Ю. М. Шеваренкова отдельно оговаривает то, что легенда является именно нарративом религиозного содержания. Это позволяет провести параллель между легендой и быличкой: в отечественной науке под быличкой понимается исключительно нарративное повествование мифологического характера, в то время как паремийные формы, сообщающие информацию о народных воззрениях, определяются как поверья.

Ю. М. Шеваренкова относит к жанру легенды любые рассказы, в которых присутствует религиозная, христианская точка зрения: «легенды способны повествовать о субъектах и объектах, явлениях и событиях космического масштаба, мировой, национальной и местной истории, жизни персонажей священных книг, небожителей и реальных людей» [7, с. 19]. Она выделяет три разновидности легенд:

- собственно народные христианские легенды о физическом и этическом устройстве «большого мира» (классические легенды, в том числе эсхатологические);

- легенды-«предания» о событиях христианской истории «малого» мира;

- легенды-«былички» о разного рода мистических и религиозных странностях и чудесах в жизни человека [7, с. 22].

Таким образом, эсхатологическая легенда в работе рассматривается как одна из разновидностей классического легендарного повествования.

Такое определение представляется нам спорным. Заметим в этой связи, что в собраниях народных легенд, опубликованных русскими фольклористами XIX в., очень редко бывают представлены тексты эсхатологического содержания: например, в упомянутом выше сборнике А. Н. Афанасьева нет ни одного. Уже этот факт наводит на мысль о том, что исследователи интуитивно ощущали жанровое своеобразие эсхатологического повествования, его отличие от классической легенды.

Во-первых, эсхатологическое высказывание зачастую имеет ненарративный характер. В этом случае его точнее определять как *религиозное поверье*, ср.: «*Моя прабабка, когда мы жили в Руссе, в 30-е годы говорила: “В Сталина-то анафема вселился”. А я думаю – совсем с ума сошла бабка*» (В. Г. Некрасов, 1925 г. р., Москва; ЛАБ 2005).

Если учесть тот факт, что мифологическая проза также может быть представлена быличками и поверьями, существование подобных текстов, казалось бы, не может считаться достаточной причиной для отрицания принадлежности эсхатологического рассказа к жанру легенды. Однако в эсхатологическом повествовании каждое поверье, как правило, является отдельным мотивом, а само повествование представляет собой цепочку подобного рода паремийных текстов, ср.: «[А не говорят, что Никон как Антихрист?] [Матушка Анатолия:] *Да. Это Антихрист и есть. Он то не Антихрист. [Послушница:] Он-то не Антихрист. Он скоро будет. Паспорта вот сейчас... Пластиковые карты. Антихрист придет на голод. Будет... Где-то дождем зальет, будет голод, где-то засуха... Будет золото лежать, а подумают, что это вода. Подойдут – а это лежит зо-*

лото. Сейчас растет один бурьян. Почему поля не обрабатываются? Все это окорочка... Разве мы не можем? Дак как мы работали! Не дай Бог. А сейчас молодые разучились работать, ходят воруют. Строгость нужна» [Матушка Анатолия, послушница Феврония Ивановна; д. Микварово, старообрядческий скит, Кильмез.; АКФ 2003, т. 20, № 86].

Во-вторых, эсхатологическое повествование не удовлетворяет требованиям жанра классической легенды не только с формальной, но и с содержательной стороны. Как уже было сказано, основным признаком легенды является присутствие в тексте христианской идеологии или хотя бы христианской тематики. Но эсхатологические тексты нередко связаны с религиозными верованиями и представлениями весьма опосредованно: «*Верующие говорят: конец света. В 80-х, в конце они говорили. Сейчас научно обосновывают: глобальное потепление*» (Н. Г. Порубова, 1940 г. р., д. Выхорята Афан.; АКФ 2002, т. 3, № 172); «*Мы помнили раннее, что вот у дедушки моего книги были. Вот он про все и говорил. Вот, доченька, жисть током для двухтысячного года, вот будут железные птицы летать, вот весь свет обтянут ниткам. И птюшки железны летают. Вот оно, видишь, обтянуто ниткам. И птюшки железны летают. Летают. Двое в байну венник понесут. На сто километров останется два человека – будут искать друг друга. Вот доживем жо этого. Правда или неправда?» [5, с. 242].*

Приведенные тексты используют классические мотивы, характерные для эсхатологического повествования, однако в них не представлены ни христианская точка зрения на грядущие события, ни какие-либо ссылки на религиозную традицию. Да и сам «конец света» может осмысляться совсем не в христианских категориях Страшного суда, ср.: «*Вот я слышала, что в 2012 году будет конец света. Нострадамус предсказал, что комета врежется в Землю, все сгорит*» [Г. Н. Прокофьева 1940 г. р., Москва; ЛАБ 2008]. Подобная трактовка «конца света» как тотальной гибели человечества

без всяких религиозно-нравственных коннотаций довольно типична для современных эсхатологических рассказов.

Таким образом, мы можем заключить, что многие рассказы эсхатологического характера не подпадают под традиционное понимание легендарных текстов в отечественной науке ни по формальным, ни по содержательным критериям. При этом подобные эсхатологические тексты широко распространены и представляют не «периферию», а «ядро» данной группы текстов. Следовательно, эсхатологическая легенда является не разновидностью жанра легенды, а определенной тематической группой в рамках несказочной прозы в целом.

Подобные тематические группы, т. е. тексты, объединенные общей темой, мотивами, сюжетами, персонажами, но не составляющие единого жанра в рамках общей классификации фольклорных жанров, в последнее время все более привлекают внимание фольклористов.

Одним из первых к их исследованию обратился К. В. Чистов. В работе «Русские народные социально-утопические легенды XVIII–XIX вв.» он определяет в качестве предмета изучения «как сами народные представления социально-утопического характера, так и всю сумму связанных с ними словесных проявлений» [6, с. 13]. К. В. Чистов осторожно квалифицирует социально-утопические легенды как «группу фольклорных явлений» [6, с. 7], не проводя более детального анализа жанрового статуса изучаемых текстов. В дальнейшем этот подход получает развитие в работах И. С. Брилевой. Для обозначения произведений, объединенных тематически и функционально, она использует термин «сверхжанровое единство». Под последним она понимает «группу текстов, относящихся к разным жанрам (поверье + быличка; поверье + этиологическая легенда; поговорка + легенда), но подчиняющихся при этом единой прагматической установке рассказа, что порождает связь совокупности в результате запроса собеседника (собирателя) и функционирует как одно целое» [1, с. 8]. Схожие идеи в статье «Праг-

матика мифологического текста» высказывает Е. Е. Левкиевская. Она вводит в научный оборот термин *мифологический текст*, характеризуя его как «синкретическое явление, могущее содержать в себе различные типы текстов» [2, с. 153]. Исследовательница выделяет следующие существенные признаки мифологического текста: «содержит сведения о демонологических явлениях» [2, с. 150], «содержит установку на достоверность» [Там же], «реализует эту мифологическую информацию в виде одной из ситуационных (или семантических) моделей» [Там же], является текстом речевого жанра. По мнению Е. Е. Левкиевской, в рамках мифологического текста могут функционировать четыре речевых жанра: поверье, быличка, дидактическое высказывание, обращение к мифологическому персонажу.

Как видно, в описанных случаях исследователи выделяют некоторую группу фольклорных текстов, характеризуемую как «сверхжанровое единство» [1], «мифологический текст» [2] и даже «группа фольклорных явлений» [6] на основании их тематического (общности темы, сюжетов, мотивов) и прагматического (функционирование в рамках одного высказывания) единства. При этом выделяются отдельные типы текстов в рамках указанных сверхжанровых единств: «формы бытования несказочной прозы» (К. В. Чистов), речевые жанры (Е. Е. Левкиевская) и фольклорные жанры (И. С. Брилева).

Таким образом, эсхатологическая легенда, без сомнения, может быть определена как сверхжанровое единство, группа текстов, объединенных тематическими и прагматическими характеристиками. По аналогии с употреблением термина «социально-утопическая легенда» К. В. Чистовым, мы используем привычный термин «эсхатологическая легенда», не имея в виду, что все тексты, относящиеся к эсхатологической легенде, принадлежат к жанру христианской легенды. В данном случае понятие «эсхатологическая легенда», по сути, эквивалентно понятию «эсхатологический рассказ» или даже «эсхатологический текст». Эсхатологическая легенда понимается нами как *устный или руко-*

писный прозаический текст, содержащий эсхатологическую информацию и лишенный авторской атрибуции. Данная группа текстов не обладает всеми признаками фольклорного или речевого жанра, однако имеет ряд устойчивых черт на уровне содержания, поэтики и прагматики, делающих выделение эсхатологической легенды в качестве отдельного сверхжанрового единства научно и методологически оправданным и адекватным эмпирическому материалу.

Попробуем более детально рассмотреть особенности выделенной нами тематической группы. Общая тема предполагает реализацию через определенные сюжеты и мотивы. Образцом для изучения сюжетной структуры повествовательных фольклорных произведений в отечественной науке стала работа В. Я. Проппа «Морфология сказки». В ней конструируется универсальная сюжетная схема волшебной сказки с инвариантами сказочных мотивов в качестве ее составных частей. Каждая волшебная сказка строится по приведенной В. Я. Проппом схеме с учетом ее возможных вариаций. Подобные модели использовались и для изучения несказочной прозы. К. В. Чистов в работе о социально-утопической легенде рассмотрел все социально-утопические легенды как сумму текстов, сводимых к некоему инвариантному социально-утопическому сюжету, существующему не в каждом конкретном тексте, а во всей их совокупности.

Построение инвариантной эсхатологической модели имеет свои особенности. Мы полагаем, что следует говорить не о сюжетной схеме, а об основном эсхатологическом сюжете. В отличие от социально-утопической легенды данный сюжет является не просто реконструируемым инвариантом, а восходит к конкретным книжным источникам (Библии, святоотеческим и апокрифическим текстам). Таким образом, если в реконструкции В. Я. Проппа и К. В. Чистова отдельные варианты предшествуют инварианту, то в нашем случае инвариант предшествует вариантам, которые зачастую являются его толкованиями: образы Евангелия и Апокалипсиса проецируются на актуальную для

рассказчика реальность, каждый раз получая новое объяснение. Важная специфика эсхатологической легенды состоит в том, что «объект повествования» во всех эсхатологических текстах один и тот же – окружающий мир, являющийся объектом непрерывных эсхатологических изменений. В силу этого эсхатологические легенды представляют собой не просто массу тестов, построенных по одним поэтическим законам, а своего рода метатекст, рассказ разных людей об одних и тех же событиях (движении мира к Страшному суду), которые уже произошли, происходят сейчас или произойдут в будущем. Этим эсхатологическая легенда коренным образом отличается от других фольклорных жанров, где существует значительное (а нередко потенциально бесконечное) количество сюжетов, сводимых к некоторым инвариантным схемам. Большинство эсхатологических текстов по своему сюжету представляют собой определенные вариации, толкования, версии основного эсхатологического сюжета. Таким образом, понятием «основной эсхатологический сюжет» описывается вся сумма народных представлений эсхатологического характера.

Как уже отмечалось, далеко не все эсхатологические рассказы сюжетны. Во многих случаях эсхатологическая информация дается в паремийной форме или входит в состав какого-либо сюжета, не имеющего прямого отношения к эсхатологии. В таких случаях можно говорить только о мотивах основного эсхатологического сюжета, представленных в отдельно взятом тексте, ср.: *«Вот у меня сосед был старовер – Андреян Черемный. Вот он постовал. Иван был. Он был. Он кабыть и в Бога не верил. А отец постовал. И вот евоны слова запомнила. Раньше играли в гонки, шарики. Потом на луг он приде: “Ой, ребята, скоро закрасуетесь. Залетают железные вороны, проводами...” И я вспомнила – точно! Все это говорил. Читал и все знал»* (М. А. Козьмина, 1936 г. р., д. Большое Кротово Пин.; ЛАИ 2004в, т. 1, № 61). Приведенный текст с точки зрения сюжеттики может быть охарактеризован как «рассказ о сбывшемся предсказании», однако в нем содер-

жаты эсхатологические мотивы: появление самолетов (железные вороны) и проводов.

Таким образом, мы можем представить определение эсхатологической легенды и таким образом: *эсхатологическая легенда*

есть устный или рукописный прозаический текст, лишенный авторской атрибуции, сюжет или отдельные мотивы которого являются элементами основного эсхатологического сюжета.

Условные сокращения

АКФ – Архив кафедры русского устного народного творчества МГУ.

Афан. – Афанасьевский р-н Кировской обл.

Кильмез. – Кильмезский р-н Кировской обл.

ЛАБ – Личный архив И. А. Бессонова.

ЛАИ – Личный архив А. А. Ивановой.

Пин. – Пинежский р-н Архангельской обл.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Брилева И. С.* Концепт греха в структуре фольклорного произведения (на материале малый жанров и несказочной прозы): автореф. дис. ... канд. филолог. наук. М., 2007. 24 с.
2. *Левкиевская. Е. Е.* Прагматика мифологического текста // Славянский и балканский фольклор. Вып. 10: Семантика и прагматика текста / отв. ред. С. М. Толстая. М.: Индрик, 2006. С. 150–213.
3. *Пропп В. Я.* Поэтика фольклора. М.: Лабиринт, 1998. 352 с.
4. *Пытин А. Н.* Русские народные легенды (по поводу издания г-на Афанасьева в Москве 1860 г.) // Народные русские легенды А. Н. Афанасьева. Новосибирск: Наука, 1990. С. 180–202.
5. Традиционный фольклор Новгородской области. Пословицы и поговорки. Загадки. Приметы и поверья. Детский фольклор. Эсхатология. Тропа Троянова. СПб., 2006. 479 с.
6. *Чистов К. В.* Русские народные социально-утопические легенды XVII–XIX вв. М.: Наука, 1967. 341 с.
7. *Шеваренкова Ю. М.* Исследования в области русской фольклорной легенды. Нижний Новгород: Растр-НН, 2004. 214 с.

REFERENCES

1. *Brileva I. S.* Kontsept grekha v strukture fol'klornogo proizvedeniya (na materiale maly zhanrov i neskazochnoy prozy): avtoref. dis. ... kand. filolog. nauk. M., 2007. 24 s.
2. *Levkiiyevskaya E. E.* Pragmatika mifologicheskogo teksta // Slavyanskiy i balkanskiy fol'klor. Vyp. 10: Semantika i pragmatika teksta / otv. red. S. M. Tolstaya. M.: Indrik, 2006. S. 150–213.
3. *Propp V. Ya.* Poetika fol'klora. M.: Labirint, 1998. 352 s.
4. *Pypin A. N.* Russkiye narodnye legendy (po povodu izdaniya g-na Afanas'yeva v Moskve 1860 g.) // Narodnye russkiye legendy A. N. Afanas'yeva. Novosibirsk: Nauka, 1990. S. 180–202.
5. Traditsionny fol'klor Novgorodskoy oblasti. Poslovitsy i pogovorki. Zagadki. Primety i pover'ya. Detskiy fol'klor. Eskhatologiya. Tropa Troyanova. SPb., 2006. 479 s.
6. *Chistov K. V.* Russkiye narodnye sotsial'no-utopicheskiye legendy XVII–XIX vv. M.: Nauka, 1967. 341 s.
7. *Shevarenkova Yu. M.* Issledovaniya v oblasti russkoy fol'klornoy legendy. Nizhniy Novgorod: Rastr-NN, 2004. 214 s.